

Д. С. ЛИХАЧЕВ

Литературный этикет древней Руси

(к проблеме изучения)

Сообщение¹ мое посвящено одному весьма важному для развития русской литературы и русского литературного языка явлению, до сих пор не обращавшему на себя должного внимания литературоведов и языковедов. Явление это я условно предлагаю назвать литературным этикетом.

Феодализм времени своего возникновения и расцвета с его крайне сложной лестницей отношений вассалитета-сюзеренитета создал чрезвычайно развитую обрядность: церковную и светскую. Взаимоотношения людей между собой и их отношения к богу подчинялись этикету, традиции, обычаю, церемонии, до такой степени развитым и деспотичным, что они пронизывали собой и в известной мере овладевали мировоззрением и мышлением человека.

Из общественной жизни склонность к этикету проникает в искусство. Изображения святых в живописи в какой-то степени подчиняются этикету: иконописные подлинники предписывают изображение каждого святого в строго определенных положениях со всеми присущими ему атрибутами; то же касалось и изображения событий из их жизни или событий священной истории.

Как известно, этикет феодального двора в широкой степени повлиял на иконографические сюжеты. «В своем исследовании „L'Empereur dans l'art byzantin“ (Paris, 1936) проф. А. Н. Грабар, — пишет В. Н. Лазарев, — убедительно показал, насколько тесно византийская иконография была связана с позднеантичным культом императора. Римский придворный ритуал, впитавший в себя множество восточных элементов, несомненно повлиял на процесс сложения основных иконографических типов. Так, образ восседающего на троне императора оказался претворенным в христианской иконографии в образ восседающего на троне Христа; изображение императорского трона легло в основу Этимаснии; сцена посвящения императором чиновника в сан сделалась исходной точкой для таких сюжетов, как коронование Христом святого, либо передача Христом закона апостолу Петру; сцена поклонения императору была переработана в сцену поклонения апостолов Христу, а позднее в „Деисус“ и в „Страшный суд“; сцена принесения варварами даров императору — в сцену поклонения волхвов; сцена триумфального шествия императора — в сцену входа в Иерусалим; сцена освобождения императором народа, города либо провинции — в сцену освобождения Христом из ада Адама

¹ В сокращении доклад был прочитан на Международной конференции по поэтике в Варшаве в августе 1960 г.